

Концепция «тотальной обороны» как отражение стратегической культуры Швеции

Н. Белухин¹, В. Воротников², С. Дианина³

¹ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук

^{2,3} Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Статья посвящена анализу концепции «тотальной обороны» как одной из составляющих стратегической культуры Швеции и тому, как её элементы влияют на подходы Швеции к оборонному сотрудничеству в рамках ЕС. «Тотальная оборона» остаётся опорой оборонного планирования и представления об угрозах национальной безопасности Швеции, хотя до настоящего момента ещё не привлекла значительного внимания со стороны российских исследователей. На современном этапе восстановление эффективной системы «тотальной обороны», сравнимой с периодом биполярного противостояния, сталкивается со значительными трудностями в связи с последовательным снижением оборонных расходов после окончания холодной войны и децентрализацией системы национального кризисного планирования. В процессе восстановления концепции «тотальной обороны» также обнаруживаются противоречия между требованиями консолидации и централизованного принятия решений и либеральным, открытым характером шведского общества и экономики, а также принципами ответственности, субсидиарности и аналогии, которые лежат в основе современной системы реагирования на чрезвычайные ситуации. «Тотальная оборона», таким образом, выступает попыткой создания эффективной системы реагирования на кризисные ситуации, которая бы успешно функционировала в демократическом обществе как в условиях мира, так и потенциального вооружённого конфликта без необходимости объявления чрезвычайной ситуации и сосредоточения исключительных полномочий отдельными органами или группой лиц. В соответствии со шведской стратегической культурой важно не только эффективно разрешить кризисную ситуацию, но и сделать это с соблюдением нормального функционирования политических институтов и верховенства права. В рамках ЕС Швеция успешно заняла нишу развития гражданских или невоенных элементов кризисного урегулирования, в то время как оборонное сотрудничество в рамках PESCO и Европейского оборонного фонда в большей степени определяется прагматичными интересами шведских оборонных компаний, а не стратегическими соображениями. Шведский

УДК 327, 316.7

Поступила в редакцию: 15.01.2022

Принята к печати: 20.12.2022

опыт «тотальной обороны» показывает, что в настоящий момент многие государства ЕС с либеральным открытым характером общества и экономики продолжат сталкиваться с той же дилеммой – необходимостью построения самодостаточной и эффективной национальной обороны при сохранении либеральных принципов как в политической системе, так и в экономике.

Ключевые слова: Швеция, тотальная оборона, стратегическая культура, Социал-демократическая рабочая партия Швеции, ЕС, НАТО, пандемия, чрезвычайная ситуация, оборонно-промышленный комплекс

Образ Швеции в мире и среди подданных самого королевства на протяжении по меньшей мере последнего столетия устойчиво формировался понятием «нейтралитета». Однако, будучи по форме лишь традицией, не закреплённой на документально-правовом уровне, «нейтралитет» последовательно приобретал в зависимости от обстоятельств разные формы, превращавшие его порой в не более чем эвфемизм реальной политики прагматичного внешнеполитического балансирования и сохранения Швецией международно-политической субъектности.

Швеция успешно балансировала между интересами соседей, Дании и Норвегии, а также Германской и Российской империй в конце XIX – начале XX века. Страна не принимала участие в Первой и Второй мировых войнах, следуя прагматичной линии поддержки Германии на начальном этапе конфликтов, а на завершающем уже придерживалась линии её противников. В первые годы холодной войны в Швеции складывается известная концепция «свободы от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета в случае войны» (так называемая формула Ундена¹), что, впрочем, не мешало исследователям характеризовать Швецию в этот период как «семнадцатого члена НАТО» (Dahl 2008:103). Премьер-министр У. Пальме в свою очередь проводил политику «позитивного нейтралитета», создавая образ Швеции как «моральной сверхдержавы» (*швед. moralisk stormakt*). Уже в XXI веке, 11 февраля 2002 г., в Швеции появилась новая доктрина политики безопасности, в которой «слово нейтралитет, конечно, еще присутствует, но занимает гораздо более скромное место, нежели ранее» (Fredén 2006: 401). Классическую концепцию Э. Ундена сменило более пространное описание политики безопасности (Комаров 2011). В том же 2002 г. Бо Лундгрэн, являвшийся председателем Умеренной коалиционной партии в 1999-2003 гг.,

¹ Унден, Бу Эстен (1886-1974) – шведский дипломат, политик и учёный. В 1924-1926 и 1945-1962 гг. занимал пост министра иностранных дел Швеции. Один из лидеров Социал-демократической рабочей партии Швеции.

в одной из газетных статей назвал 2005 г. как приемлемый для вступления Швеции в Североатлантический альянс, а ещё год спустя в программе Умеренной коалиционной партии появился пункт о поддержке членства Швеции в НАТО². Со вступлением Швеции в ЕС и принятием ею обязательств в сфере ОВПБ/ОПБО (в особенности согласно схожему со статьёй 5 Североатлантического договора пункту 42.7 Договора о ЕС), расширением контактов страны с НАТО начиная со второй половины 1990-х гг., особенно в 2010-е гг., углублением северо-европейского оборонного сотрудничества с 2009 г., а также с участием ВВС Швеции в интервенции в Ливию в 2011 г. и, наконец, заявлением премьер-министра М. Андерссон 28 марта 2022 г., что Швеция «не нейтральна», идея шведского нейтралитета и неприсоединения больше не могла прикрывать реальных шагов по прагматичной внешнеполитической адаптации и балансированию. Хотя ранее отдельные шведские исследователи как, к примеру, Анна-Софи Даль считали, что нейтралитет Швеции «перерос рамки только лишь инструмента организации национальной безопасности» и стал неотъемлемой частью шведского национального идеала (Dahl 1997). Еще со времени функционирования в 1930-е гг. Комиссии по обороне шведское правительство стало уделять особое внимание формированию комплексного подхода к поддержанию обороноспособности государства и его функционированию в условиях войны в Европе. В послевоенный период это стало частью общенационального консенсуса, выразившись в формировании концепции «тотальной обороны» (*швед.* Totalförsvaret), призванной в период кризиса обеспечить не только обороноспособность страны, но и сохранение основных принципов шведского «дома для народа» (*швед.* Folkhemmet), а потому и по сей день остающейся военно-экономическим, социальным и организационным фундаментом стратегической культуры Швеции. При этом шведская концепция «тотальной обороны» остаётся почти не разработанной, в особенности в отечественной исследовательской литературе, по сравнению с анализом политики нейтралитета/неприсоединения (Воронков 2016; Воронов 2018; Корунова 2021) и вопросов, связанных с взаимодействием Швеции и НАТО (Воронов 2021; Килин 2017; Громыко Плевако 2016).

К началу XX в. шведское общество уже пережило «великодержавный синдром» XVIII-первой половины XIX вв.³ Поэтому в дискуссиях об исторической судьбе Швеции накануне Первой мировой войны уже обозначился разрыв между консервативным взглядом на историю и внешнюю политику Швеции, где большое значение имел статус страны как великой державы в XVI-XVII вв. и «единство короля и народа», и взглядами социал-демократов, которые стреми-

² Nilsson T. Elitens hemlighet – därför har Nato varit ickefråga 08.03.2022. // URL: <https://www.svd.se/a/KzR5Q7/torbjorn-nilsson-elitens-hemlighet-darfor-har-nato-varit-ickefraga> (дата обращения: 13.09.2022)

³ К примеру, В. В. Рогинский отмечает, что великодержавный синдром у Швеции сохранялся «ещё почти двести лет после поражений в Великой Северной войне в 1700-1721 гг.» (Рогинский 2018).

лись предложить новую, «менее воинственную» версию шведской национальной идентичности, что изначально не находило отклика ни у консервативных мыслителей, ни у офицерского корпуса (Åselius 2005). Однако социал-демократы были далеки от наивной идеи одностороннего разоружения и поддерживали военно-технологическую самодостаточность Швеции. К примеру, сложная международная обстановка во второй половине 1930-х гг. повлияла на решение правительства Швеции перейти к усиленным мерам по повышению обороноспособности Вооруженных сил страны. Лидер социал-демократов и премьер-министр Пер Альбин Ханссон в 1936 г. произнёс речь, в которой подчеркнул необходимость налаживания производства военной авиации на территории Швеции: «Наша страна должна сама настолько, насколько это возможно производить собственные вооружения. Наша потребность в их закупке за границей делает нас более или менее зависимыми от других государств. У нас есть хорошие верфи, которые удовлетворяют нашу потребность в военных кораблях. У нас есть хорошие оружейники, работающие для армии, в Эскильстуне и Буфорской мануфактуре. Но у нас отсутствуют предприятия внутри страны для производства военных самолётов»⁴. В 1939 г. началась работа над созданием первого шведского боевого самолёта, а 23 марта 1942 г. на вооружение в шведских ВВС был принят бомбардировщик «Saab 17». После Второй мировой войны в 1948 г. Швеция активно включилась в мировую гонку по разработке реактивной авиации⁵.

Наиболее ярким столкновением взглядов шведских военных кругов и социал-демократов можно считать вопрос о планах приобретения Швецией ядерного оружия и собственная военная ядерная программа Швеции, которая прорабатывалась в 1940-1950-х гг., но в итоге к началу 1960-х гг. так и не была принята правящей Социал-демократической рабочей партией, несмотря на расхождение мнений внутри самой партии и активные лоббистские усилия военных. Кроме того, США также негативно относились к подобным планам шведского правительства. Влияние социал-демократов на выработку решений в области обороны и безопасности Швеции настолько велико, что аналитик RAND П. Коул обозначил эту партию как «государство в государстве» и «единственного легитимного стража национального духа Швеции» (Cole 1994). Другой разрыв уже на рубеже XX-XXI вв. наблюдался между военной элитой, которая считала приоритетом участие в международных операциях, и большей частью общественного мнения и офицерского корпуса, считающих, что первоочередной задачей вооружённых сил выступает оборона территории страны. После 2014 г. в политическом плане очевидное преимущество получи-

⁴ Så föddes det svenska militärflyget. Forsvarsmakten. URL: <https://www.forsvarsmakten.se/sv/information-och-fakta/var-historia/artiklar/sa-foddes-det-svenska-militarflyget/> (дата обращения: 02.04.2022)

⁵ Ibid.

ли сторонники второй точки зрения, и оптимизм после конца холодной войны сменился стремлением переосмыслить и адаптировать к современным реалиям оборонные концепции периода биполярного противостояния.

Стратегическая культура Швеции, таким образом, представляет из себя довольно сложный феномен. Как, к примеру, в современной Швеции могут сосуществовать всё ещё конкурентоспособный на глобальном рынке ОПК и феминистская внешняя политика? Как либеральные политические ценности и социальное государство соотносятся с развитой структурой организации гражданской обороны, которая пронизывала шведское общество в годы холодной войны и стала вновь востребованной в свете возрождения концепции «тотальной обороны»? (Sjölin 2014). Корректно ли считать «тотальную оборону» с её вниманием к единству и устойчивости общества продолжением идеи о Швеции как «доме для народа»? Проявляется ли концепция «тотальной обороны» во внешней политике? Настоящая статья посвящена анализу «тотальной обороны» как отражению стратегической культуры Швеции и центральной концепции для шведского оборонного планирования. Такая постановка исследовательской задачи обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, концепция «тотальной обороны» получила признание и за пределами Швеции. К примеру, Министерство обороны Сингапура отмечает, что эта концепция, введённая в 1984 г., была «заимствована и адаптирована из Швеции и Швейцарии»⁶, причём в реалиях Сингапура она «доказывает свою эффективность в обеспечении сплочённости среди этнически и культурно неоднородного населения» (Milton 2011). Отмечается также, что «скандинавская модель тотальной обороны пользовалась влиянием во всех трёх странах Балтии сразу после окончания холодной войны и в Финляндии, и в Швеции ещё до конца холодной войны, но позднее в европейских странах-членах НАТО, включая прибалтийские республики, распространение получила идея коллективной обороны в рамках Североатлантического альянса (Milton 2011). В этом контексте можно предположить, что Финляндия и Швеция сохранили уникальные черты стратегической культуры. Хотя Финляндия, в отличие от Швеции, не отказалась от модели «тотальной обороны» даже после холодной войны (с 2010 г. в Финляндии эта концепция получила название «комплексная национальная оборона») и сохранила всеобщий воинский призыв, что в настоящий момент позволяет мобилизовать более 200 тыс. резервистов (Lallerstedt 2021). Соседние северные страны также признают достоинства шведской модели тотальной обороны. Так, аналитик Центра военных исследований Копенгагенского университета Йенс Кристофферсен отмечает, что шведы, в отличие от датчан, до

⁶ Fact Sheet: Evolution and History of Total Defence Over the Past 35 Years. News Release. MINDEF Singapore. 15.02.2019. URL: https://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/MINDEF_20190215001/MINDEF_20190215002_1.pdf (дата обращения: 02.04.2022)

сих пор не исключают ведение боевых действий на собственной территории и в этой связи обладают намного более развитой системой гражданской обороны⁷. К примеру, в анализе рисков, который 2 марта 2022 г. представило датское управление по чрезвычайным ситуациям (*дат.* Beredskabsstyrelsen), анализируются 14 возможных угроз, кроме вооружённой агрессии в отношении страны⁸, в то время как в шведском аналоге под названием «Om krisen eller kriget kommer»⁹, подготовленном Шведским гражданским агентством по чрезвычайным ситуациям (*швед.* Myndigheten för samhällsskydd och beredskap, MSB) в 2018 г., затрагиваются такие угрозы, как саботаж на объектах транспортной и энергетической инфраструктуры, нарушение поставок продовольствия и другие чрезвычайные ситуации, которые могут возникнуть в связи с боевыми действиями на территории страны. Такое справочное издание регулярно издавалось в Швеции и раньше, начиная с 1943 г., а наиболее позднее издание вышло в 1987 г.

Для того чтобы избежать негативных коннотаций, связанных с тоталитаризмом, в Швеции иногда употребляются термины «комплексная» или «всеобъемлющая оборона», «комплексная безопасность» или «комплексный подход к обороне», хотя, к примеру, в названии Шведского института оборонных исследований сохраняется слово «тотальная» – Totalförsvarets forskningsinstitut, т.е. буквально «Институт исследований тотальной обороны». В других странах могут наравне использоваться два этих термина, схожие термины или перечисляться основные принципы «тотальной обороны» без ссылки на конкретный термин. К примеру, в военной стратегии Литвы 2016 г. используются оба понятия; в концепции национальной безопасности Эстонии 2017 г. упоминается принцип всеобъемлющей национальной обороны (*эст.* riigikaitse lai käsitlus); в правительственном докладе об оборонной политике, представленном парламенту Финляндии в 2017 г., используется термин «комплексная безопасность»; в концепции национальной безопасности Латвии 2016 г. термин «тотальная оборона» напрямую не упоминается, но обозначается «необходимость комплексного подхода к предотвращению угроз с использованием всех доступных военных и невоенных ресурсов скоординированным и интегрированным образом» – с 2019 г. Латвия выстраивает комплексную систему национальной обороны¹⁰.

Во-вторых, внутри ЕС высокую оценку получили методы Швеции по обеспечению «устойчивости общества» (*англ.* societal resilience), в том числе всё та же концепция «тотальной обороны», которая применяется не только для под-

⁷ Mønster F. Dansk militæranalytiker i Sverige: Den almindelige svensker er langt bedre forberedt på krig end vi er. AvisenDenmark. 04.03.2022. URL: <https://avisendanmark.dk/artikel/dansk-milit%C3%A6ranalytiker-i-sverige-den-almindelige-svensker-er-langt-bedre-forberedt-p%C3%A5-krig-end-vi-er> (дата обращения: 18.04.2022)

⁸ National Risikobillede 2022. – Beredskabsstyrelsen, Januar 2022. S. 140.

⁹ Om krisen eller kriget kommer. Viktig information till Sveriges invånare. – ODR Samhällsinformation, 2018. S. 20.

¹⁰ Szymanski P. New Ideas for Total Defence: Comprehensive Security in Finland and Estonia. – Warsaw, OSW Report, March 2020. P. 54.

готовки Швеции к традиционному вооружённому конфликту с использованием конвенциональных вооружений, но и для противодействия гибридным угрозам. Это предполагает развитую систему гражданской обороны и налаженное взаимодействие между различными правительственными агентствами и министерствами, то есть так называемый всеобъемлющий общественный подход (*англ.* whole-of-society approach)¹¹. В сентябре 2018 г. для координации международной и межминистерской работы по отражению гибридных угроз МИД Швеции даже назначил специального посланника по этому вопросу.

В-третьих, «тотальная оборона» в настоящий момент выступает системообразующим элементом национальной оборонной политики, даже несмотря на то, что Швеция, скорее всего, не сможет воспроизвести систему «тотальной обороны» времён холодной войны, тем более она и не ставит такой задачи. В основе концепции «тотальной обороны» лежит идея о том, что государство не сможет эффективно выполнять задачу сдерживания потенциального противника без более общих мер по обеспечению устойчивости и единства общества (Lallerstedt 2021). Одновременно с этим концепция «тотальной обороны» определяет и подходы Швеции к оборонному сотрудничеству в рамках ЕС.

В основу статьи положено представление о стратегической культуре как «совокупности передаваемых норм, идей и моделей поведения, основанных на идентичности, которые разделяются широким большинством акторов и социальных групп в определённом сообществе безопасности, которая способствует формированию различных по приоритету вариантов обеспечения безопасности и достижения целей оборонной политики» (Meyer 2005). Шведская концепция «тотальной обороны» выступает именно в качестве подобного набора элементов, так как она применялась военной и политической элитой для обеспечения национальной безопасности как в период холодной войны, когда Швеция характеризовалась как нейтральная, равноудалённая от сверхдержав, и опирающаяся, главным образом, на национальный оборонный потенциал, так и вновь служит основой для оборонного планирования в современных условиях, когда политика неприсоединения Швеции к оборонным альянсам фактически подходит к концу, и страна в большей степени, чем когда-либо, опирается на международное оборонное сотрудничество и участие в коалиционных операциях по кризисному урегулированию. Таким образом, система «тотальной обороны» оказывается более устойчивой и долгоиграющей, чем нейтралитет и неприсоединение, которые долгое время считались отличительными особенностями шведской внешней и оборонной политики. Это обуславливает значимость изучения системы «тотальной обороны» как отражения стратегической культуры

¹¹ Wigell M., Mikkola H., Juntunen T. Best Practices in the Whole-of-Society Approach in Countering Hybrid Threats. – Study Requested by Requested by the INGE committee, European Parliament, May 2021. P. 50.

Швеции. В статье будут последовательно рассмотрены внутренние административное, военное, гражданское измерения «тотальной обороны», а также отношение шведского общества к современным инициативам по возрождению этой концепции. Внешнее измерение «тотальной обороны» рассмотрено на примере подходов Швеции к двустороннему оборонному сотрудничеству с европейскими странами и её национальных приоритетов в формировании ОПБО ЕС.

Швеция продолжает рассматривать расширение международного оборонного сотрудничества и совместные военные учения как необходимые шаги по усилению сдерживания возможного противника, но первоочередной задачей выступает повышение готовности общества к новой ситуации в области безопасности на национальном уровне. На концептуальном уровне «тотальная оборона» означает, что в качестве элементов сдерживания потенциального противника необходимо рассматривать не только военный потенциал, но и устойчивость, и ресурсы всего общества. Преследуя решение такой задачи, в 2015 г. власти Швеции приняли Закон об обороне Швеции, выполнение которого призвано повысить боеспособность вооруженных сил страны посредством возрождения концепции «тотальной обороны», включающей в себя военное и гражданское измерения для обеспечения всеобъемлющего подхода к безопасности. «Тотальная оборона» определяется шведским законодательством как планирование и меры, требуемые для подготовки страны к войне¹². Участниками «тотальной обороны» наравне с парламентом, правительством, различными государственными органами и армией являются частные предприятия и обычные граждане. В ходе обсуждения в парламенте плана построения «тотальной обороны» в 2021-2025 гг. шведские политики подчеркнули, что существуют отличия в характере сегодняшних угроз безопасности по сравнению с существовавшими в годы холодной войны: «Нынешняя ситуация более сложная и непредсказуемая, и новая гражданская оборона должна строиться на более широких навыках, знаниях и возможностях, чем ее предшествующая версия»¹³. «Тотальная оборона», выстраиваемая в современных условиях, всё больше сближает понятия национальной, общественной и индивидуальной безопасности, что, с одной стороны, размывает границу между мирной и кризисной ситуациями, а с другой стороны, в большей степени, чем во время холодной войны опирается на ответственность отдельных граждан, требуя от них постоянной готовности к кризисной ситуации (Larsson 2021). В этой связи представляется важным обратить внимание не только на военные и гражданские элементы «тотальной обороны», но и на социологию шведского призыва и отношение граждан к службе в вооружённых силах.

¹² Sveriges riksdag. Totalförsvaret 2021-2025. Försvarsutskottets betänkande 2020/21:FöU4 URL:https://riksdagen.se/sv/dokument-lagar/arende/betankande/totalforsvaret-2021-2025_H801F%C3%B6U4/html#_Toc58399209 (дата обращения: 27.04.2022).

¹³ Ibid.

«Тотальная оборона» и административный дуализм

«Тотальная оборона», сформированная в Швеции на основе опыта Второй мировой войны и первых послевоенных десятилетий, имела четыре основных составляющих: военную, экономическую, гражданскую и психологическую. При этом психологический элемент рассматривался как неотъемлемая часть гражданского измерения, а экономическая основа была тесно связана со структурой ОПК Швеции и тесно переплеталась с военной составляющей. «Тотальная оборона» создавалась и как часть идеи о Швеции как «доме для народа» и исходила из постулата, что «крепкие социальные связи, солидарность и дружба были необходимы для обеспечения национальной безопасности». Шведская «тотальная оборона» также рассматривалась и как ответ на стратегию тотальной войны, инициированную нацистской Германией¹⁴.

Учитывая, что в период холодной войны практически всё мужское население Швеции проходило военную подготовку, а гражданский элемент «тотальной обороны» строился на широком взаимодействии местного и национально-уровней власти, людей различных профессий, частного и государственного секторов, то грань между сугубо военным и гражданским элементами «тотальной обороны» действительно размывалась и создавалось ощущение, что вся страна функционирует как единый оборонный механизм. Управление такой разветвлённой системой должно было быть, с одной стороны, налаженным и отработанным, а с другой – отдельные элементы «тотальной обороны» должны были сохранять высокую степень автономии в принятии решений для обеспечения её эффективности. В нынешней шведской практике, однако, эти два положения далеко не всегда дополняют друг друга.

Так, в Швеции существует исторически сложившаяся в условиях абсолютизма традиция сохранения относительной независимости государственных управлений и агентств (*швед.* *förvaltningsmyndighet*). Это, в частности, находит отражение в том, что у Швеции сравнительно небольшое Министерство обороны, по сравнению с другими северо-европейскими странами, и оно существенно уступает по своему масштабу Генеральному штабу вооружённых сил Швеции (*Håkenstad, Larsen 2012*). Кроме того, к примеру, во время «коронакризиса» Агентство по охране общественного здравоохранения (*швед.* *Folkhälsomyndigheten*) в лице эпидемиолога А. Тегнелла играло ведущую роль в выработке подхода к борьбе с эпидемией и при этом действовало во многом автономно от Министерства здравоохранения и социальной политики Швеции. Это связано с исторически сложившимся и закреплённым высоким уровнем са-

¹⁴ Braw E., Roberts P. Societal Resilience as a Deterrent. – NATO Science and Technology Organization, 2018. P. 12.

мостоятельности государственных агентств, в работу которых правительственные министры не имеют права вмешиваться напрямую, поскольку так называемое министерское управление (*швед.* ministerstyre) запрещено Актом о форме правления 1974 г. Такая ситуация приводит к появлению «административного дуализма» (Larsson 2022). Помимо этого, в шведской политико-административной системе большую роль играет местное самоуправление как на уровне ленов (21) и регионов (20), так и на уровне муниципалитетов (290), что также придаёт кризисному регулированию децентрализованный характер.

Для преодоления сложившегося «разрыва» ещё в 2000-е гг. были созданы Секретариат и Совет по управлению кризисными ситуациями как площадки для координирования действий между правительством и отдельными агентствами, но эти органы носят консультативный характер и призваны оказывать поддержку премьер-министру в планировании цельной кризисной стратегии и наблюдении за развитием кризисной ситуации. Таким образом, шведская система кризисного управления отличается высоким уровнем децентрализации и фрагментации и основана на взаимодействии множества органов на разных административных уровнях.

Для каждой страны оценка общей ситуации, возможных рисков, грозящих ей на международной арене, играет важную роль в выстраивании стратегии внешней политики. Большой вклад в эту работу в Швеции вносит действующая в рамках Министерства обороны Комиссия по вопросам обороны (*швед.* Försvarsberedningen), выступающая в качестве площадки для диалога и тесного взаимодействия между риксдагом и правительством. В марте 2022 г. Комиссия выступила за выделение на оборону дополнительно около 3 млрд шведских крон (ок. 300 млн долл.), в том числе на приоритетное усиление обороноспособности лена Готланд. Большинство оппозиционных партий настаивает на том, что Швеция должна достичь уровня в 2% ВВП как минимум к 2025 г., но премьер-министр Магдалена Андерссон предпочла более размытую формулировку, сказав, что «оборона Швеции должна укрепляться настолько быстро, насколько это практически возможно»¹⁵. В 2021 г. оборонные расходы Швеции составили 1,26% ВВП¹⁶. По последним прогнозам, при текущем уровне оборонных расходов Швеция достигнет уровня в 2% ВВП к 2028 г., но более детальный план повышения оборонных расходов вооружённые силы представят в ноябре 2022 г.¹⁷

¹⁵ Stoltenberg: Sverige kan hurtigt blive et Nato-land. Avisen. 17.03.2022. URL: https://www.avisen.dk/stoltenberg-sverige-kan-hurtigt-blive-et-nato-land_684770.aspx (дата обращения: 10.05.2022)

¹⁶ Regeringen vill ge två procent av BNP till försvaret. SVT. 10.03.2022. URL: <https://www.svt.se/nyheter/inrikes/kraftig-upprustning-av-forsvaret-budget-ska-oka-med-40-miljarder> (дата обращения: 10.05.2022)

¹⁷ Sweden's Defence Budget Could Reach 2% of GDP In 2028, Military Says. Reuters. 11.04.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/swedens-defence-budget-could-reach-2-gdp-2028-military-says-2022-04-11/> (дата обращения: 10.05.2022)

Центром аналитической работы по оценке военных рисков, который предоставляет основную информацию шведскому правительству и парламенту, остаётся Генеральный штаб, «в сущности, обладающий монополией на профессиональную военную экспертизу» (Håkenstad, Larsen 2012). Так, несмотря на значительное сокращение личного состава вооружённых сил в 1990-2000-х гг., число сотрудников Генерального штаба не претерпело соответствующего сокращения. В 1998-2007 гг. количество сотрудников оставалось относительно постоянным и составляло около 700 человек, а затем увеличилось до более чем 1000 человек в 2008-2014 гг. В 2015 г. их число упало до чуть менее 900, однако в 2021 г. штаб-квартира ВС Швеции вновь насчитывала 1200 сотрудников. Процесс оборонного планирования на уровне вооружённых сил и на политическом уровне «структурно отделены друг от друга» и могут идти параллельно, но не всегда синхронно, что может приводить к непониманию между военными и политиками, например, как в случае с планируемой отменой обязательного призыва, которая была предусмотрена Законом об обороне Швеции 2009 г., но многие военные сочли её слишком поспешной (Håkenstad, Larsen 2012).

Административная асинхронность как следствие происшедших в период после холодной войны реформ присутствует и в системе материального обеспечения вооружённых сил Швеции. С начала 1990-х гг. между шведскими вооружёнными силами и Управлением по оборонным закупкам произошло разделение ролей, которое можно охарактеризовать как трансформация модели «заказчик-исполнитель». Её содержание заключалась в том, что вооружённые силы располагали ассигнованиями на материальную часть и заказывали продукцию и услуги у Управления по оборонным закупкам, которое, в свою очередь, проводило закупки у предприятий ОПК. Однако эта модель была адаптирована для времени с более низким уровнем угроз безопасности, когда требования к боеготовности были ниже. Кроме того, существенным недостатком такой модели являлось «размытое» распределение обязанностей между различными государственными органами¹⁸. В 2016 г. в рамках официального отчета шведского правительства (*швед.* SOU) был подготовлен доклад «*Логистика для повышения готовности*», в котором содержалось предложение об упразднении модели «заказчик-исполнитель» в целях более чёткого распределения зон ответственности между Вооружёнными силами и Управлением по оборонным закупкам¹⁹. В рамках этого изменения комиссия предлагала передать право распоряжения грантом на приобретение материальных составляющих в размере 1:3 Управлению по оборонным закупкам. Это означало, что закупки будут по-прежнему осуществляться через заказы, выставленные вооружёнными силами, но Управление по оборонным закупкам вместо выставления счета вооружённым силам при до-

¹⁸ Statens offentliga utredningar (SOU) 2016:88, s. 37–44

¹⁹ Ibid. s. 35

ставке может оплачивать их напрямую. Для более четкого разделения затрат на закупки и оборудование и собственных расходов было предложено выделить Управлению бюджетные ассигнования на уплату административных платежей. В свою очередь вооруженные силы получили больше функций по техническому и оперативному контролю²⁰. В соседних странах, к примеру в Дании, Агентство по оборонным закупкам распоряжается большей частью гранта на закупки. Финляндия же остаётся единственной североевропейской страной, полностью сохранившей процесс организации закупок в компетенции Вооруженных сил²¹. Таким образом, система управления и распределения функций между различными органами в Швеции остаётся достаточно забюрократизированным процессом, который скорее может быть охарактеризован в категориях менеджерской эффективности, чем эвентуальной мобилизационной готовности.

Военное измерение тотальной обороны

В период холодной войны в Швеции ставились задачи создания оборонного потенциала «достаточного мощного для демонстрации решимости Швеции оставаться приверженной нейтралитету и способности страны противостоять давлению или другим формам агрессии, откуда бы они ни исходили»²². Созданию подобного потенциала и служила концепция «тотальной обороны», которая, таким образом, оказывается неразрывно связанной со шведским нейтралитетом. Ещё до начала холодной войны в 1940-х гг. правительство целенаправленно начало продвигать идею добровольного участия граждан в мероприятиях по подготовке к возможной вооружённой агрессии в отношении Швеции, что нашло своё отражение в законе об общей обязанности участия в тотальной обороне (швед. *totalförsvarsplikt*), согласно которому все лица в возрасте от 16 до 70 лет, каждое домохозяйство и даже частная собственность, вроде грузовиков или автобусов, должны были выполнять определённую функцию в обороне Швеции. Подобная «тотальность» оборонного мышления оставалась характерной для Швеции на протяжении всего периода холодной войны вплоть до начала 1990-х гг. и возрождается сейчас. В то же время в период холодной войны шведские военные исходили из того, что Швеция не будет основной целью сверхдержав в случае полномасштабного конфликта в Европе, а потенциальный агрессор выделит на её захват только «второстепенный» контингент. В соответствии с этой предпосылкой задачей «тотальной обороны» стало формирование

²⁰ Statens offentliga utredningar (SOU) 2016:88, s. 139–142.

²¹ Olsson P., Nordlund P. 2017. Effektiv materieförsörjning – Nordiska länders strategi, organisation och försvarsindustri. FOI-R-4452—SE. FOI: Stockholm. s. 31.

²² The Total Defence of Sweden: An Information Brochure. – Stockholm, The Defence Staff, 1970. Цит. по Brickman A. Military Trade Unionism in Sweden. // *Armed Forces and Security*, Vol. 2, № 4, August 1976, ss. 529–538.

потенциала для создания неприемлемо высоких издержек при захвате шведской территории в случае использования агрессором неосновного потенциала вооружённых сил.

Шведская «тотальная оборона» действительно носит в организационном смысле тотальный, т.е. всеобщий или целостный, характер, так как она охватывает «каждый аспект общества, а не является задачей, которую на себя берут сугубо профессиональные вооружённые силы»²³. Но при этом даже в период холодной войны такая оборона предназначалась для отражения лишь ограниченной агрессии, и задача подготовить страну к отражению всевозможных видов агрессии или вторжению основных сил потенциального противника не ставилась. В документе Министерства обороны Швеции за 1970 г., посвященном национальной безопасности, в частности говорилось: «Швеция сама по себе не представляет ценности ни для одной из сверхдержав и связанных с ними блоков... В случае возникновения конфликта в близлежащих к Швеции районах наибольшую стратегическую ценность представляют Балтийские проливы и мыс Нордкап»²⁴. Здесь стоит подчеркнуть, что речь идёт о сугубо военно-географических аспектах положения страны и их восприятию шведскими военными, которые исходили из того, что Швеция не будет первоочередной целью для возможной агрессии сверхдержав, а потенциальный противник выделит только вторичные силы для её захвата. Разумеется, это никоим образом не умаляло значение Швеции как важного политического партнёра в Северной Европе как для СССР, так и для США, за чью лояльность оба сверхдержавных блока вели напряжённую дипломатическую борьбу.

С окончанием холодной войны и трансформацией вооружённых сил Швеции военное измерение «тотальной обороны» претерпело существенные изменения. Выступая 20 марта 2012 г. в Шведской военной академии, генерал Сверкер Ёрансон, верховный главнокомандующий вооружённых сил Швеции в 2009-2015 гг., отмечал, что в начале 2000-х гг. шведские вооружённые силы прошли три последовательных этапа трансформации: 1) 2000-2004 гг.; 2) 2005-2009 гг.; 3) 2010-2014 гг. В ходе первого этапа основным фактором трансформации было участие Швеции в программе «Партнёрство ради мира», сокращения вооружённых сил составили для армии 70%, для флота – 50% и для авиации – 25%. Во время следующего этапа сокращения составили для армии – 50%, для флота – 50% и для авиации – 25%; на этом этапе изменениям в вооружённых силах способствовала ведущая роль Швеции в формировании Северной боевой группы ЕС. Итогом третьего этапа стало сокращение каждого из видов вооружённых сил на 25% и развитие оборонного сотрудничества в рамках NORDEFCO.

²³ Roberts A. Sweden's Total Defence. // In Nations in Arms: The Theory and Practice of Territorial Defence. – International Institute for Strategic Studies, 1976, pp. 84-85.

²⁴ Ibid.

Можно предположить, что в 2015 г. с возвращением к концепции «тотальной обороны» начался новый этап, который продолжается до настоящего момента и характеризуется восстановлением всеобщей воинской повинности, развитием двустороннего оборонного сотрудничества с Финляндией и участием Швеции в новых оборонных инициативах ЕС.

Таблица 1. Оборонные расходы Швеции (2012-2021 гг.), млн (US\$), в постоянных ценах 2019 г., доля оборонных расходов в % от ВВП

Table 1. Sweden's military expenditure 2012-2021 in constant (2019) US\$ m. and as percentage of Sweden's GDP

2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
4760	4787	5072	5126	5194	5194	5365	5840	6234	7900
1,1%	1,1%	1,1%	1,1%	1%	1%	1%	1,1%	1,2%	1,3%

Источник: составлено по Military expenditure by country, in constant (2019) US\$ m., 1988-2020. URL: <https://sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932020%20in%20constant%20%282019%29%20USD%20%28pdf%29.pdf>; Military expenditure by country as percentage of gross domestic product, 1988-2020. URL: <https://sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932020%20as%20a%20share%20of%20GDP%20%28pdf%29.pdf>; Trends in world military expenditure, 2021. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf (accessed 10.09.2022)

Вильгельм Агрелль, почетный профессор университета Лунда, автор ряда книг о политике безопасности и обороне Швеции, считает, что события на Украине 2014 г. окончательно разрушили систему безопасности, созданную после падения Берлинской стены: «Европейская система безопасности, какой мы ее знаем с 1990 года, развалилась на части, и восстановить ее будет невозможно. Россия пытается создать новую систему безопасности»²⁵, – утверждает В. Агрелль. Исследователь сравнивает нынешнее состояние вооружённых сил Швеции с ситуацией 1939 г., указывая на то, что после Первой мировой войны Швеция также пошла на серьёзные меры по разоружению, а когда началась Вторая мировая война, степень готовности Швеции была «далеко не образцовой»²⁶, и весной 1940 г. ей пришлось срочно начинать форсированное техническое перевооружение. Шведские оборонные силы, которые в 1989 г. могли мобилизовать 850 000 человек, были радикально сокращены после окончания биполярного противостояния. По словам В. Агрелла, это было «катастрофически большое разоружение». Риксдаг в 1996-2004 гг. принял ряд решений о развитии подразделений для участия в международных операциях по кризисному урегулированию (*швед. insatsförsvaret*) численностью 20 тыс. военнослужащих,

²⁵ Agrell: Sverige är dåligt rustat för det ryska storkriget. Dagens Nyheter. 27.02.2022. URL: <https://www.dn.se/sverige/agrell-sverige-ar-daligt-rustat-for-det-ryska-storkriget/> (дата обращения: 26.04.2022).

²⁶ Ibid.

задачей которых было в основном осуществление небольших миротворческих миссий за границей, а не обеспечение территориальной обороны страны. Исследователь называет российско-грузинскую войну 2008 г. первым серьезным сигналом к необходимости восстановить потенциал территориальной обороны Швеции. Но тогда это не привело к серьезным шагам в долгосрочной оборонной политике: «В 2009 году мы [Швеция] продолжали адаптировать вооружённые силы для международных операций и даже в 2010 году отменили всеобщую воинскую повинность», пишет В. Агрелль. Начало 2000-х гг., таким образом, было отмечено постепенным снижением военных расходов и «переквалификацией» вооружённых сил с задач территориальной обороны на международное кризисное урегулирование. После того как Швеция отменила военный призыв в 2010 г., основанием для его возвращения в 2017 г. стала «быстрорастущая угроза политики безопасности Швеции со стороны России»²⁷.

С приходом Петера Хультквиста на пост министра обороны Швеции в 2014 г. в оборонной политике Швеции ведущее значение получила так называемая «доктрина Хультквиста», которая обозначала в качестве приоритетных направлений увеличение расходов на оборону и установление более тесного сотрудничества с рядом европейских стран, США и НАТО, но без вступления в Североатлантический альянс. С 2014 г. был пересмотрен и обновлен ряд соглашений и расширено сотрудничество с Финляндией, США, Польшей, Данией, Великобританией, Германией, Норвегией и Францией. Одними из главных составляющих доктрины выступало также наращивание потенциала сдерживания и национальной обороны Швеции. Несмотря на сохранявшееся в доктрине понятие «неприсоединение», её практическая реализация исходила из того, что в условиях усиления конкуренции между великими державами малые государства склонны искать решения и оборонную поддержку посредством внешнего взаимодействия и партнерства, даже если это влечёт долгосрочную внешнюю зависимость (Bailes 2016: 32). Причем такие союзы, чтобы быть эффективными и «реальными» с точки зрения гарантий безопасности, должны быть связаны договорами (Wieslander 2021: 39). Нынешняя дискуссия в Швеции относительно полноценного присоединения к НАТО логически продолжает «доктрину Хультквиста», хотя последняя и была основана на логике «неприсоединения».

Другим важным аспектом является общеевропейский контекст шведской оборонной политики. Украинские события весны 2022 г. в целом подтолкнули Швецию к признанию большей значимости ОВПБ/ОПБО ЕС с точки зрения ее военно-политического статуса. В частности, на пресс-конференции по итогам встречи с канцлером Германии О. Шольцем 28 марта 2022 г. премьер-министр Швеции М. Андерссон, отвечая на вопрос журналиста, заявила, что «...после

²⁷ Värnplik. Sveriges riksdag. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/motion/varnplik_H4021090 (дата обращения: 26.04.2022).

того, как мы [Швеция] вступили в Европейский союз, мы больше не нейтральные в силу положения о солидарности. Так если страна ЕС подвергнется нападению или в стране ЕС сложится кризисная ситуация, мы не будем нейтральными, мы поддержим эту страну, что может означать отправку вооружённых сил. Поэтому мы не нейтральные, но мы не являемся членом военного альянса...»²⁸. Ранее, 23 марта 2022 г., лидер Умеренной коалиционной партии (швед. Moderaterna) Ульф Кристерссон в эфире телеканала SVT заявил, что шведский нейтралитет больше не действует, Швеция больше не нейтральна: «Швеция поставляет оружие на Украину, Россия знает, Россия знает об этом»²⁹. Озвученное им решение – подать заявку на членство в НАТО в случае победы оппозиции на парламентских выборах в сентябре – Шведские демократы назвали неуместным, так как это «превращает выборы в референдум по НАТО, не в последнюю очередь ввиду ситуации с политикой безопасности»³⁰.

Однако до последних событий Швеция хотя и признавала возросшее значение новых оборонных инициатив в рамках ЕС, но сохраняла приверженность гражданскому или «мягкому» измерению европейского конфликтного урегулирования и в целом для обеспечения территориальной обороны страны продолжала опираться на национальный оборонный потенциал. В области оборонной промышленности же Швеция исходит не из стратегической ориентации на партнёров из ЕС, а из экономического прагматизма и налаженных связей с американскими и британскими партнёрами, что объясняется высокой степенью приватизации и интернационализации шведского ОПК.

Таблица 2. Участие стран Северной Европы в инициативах европейской безопасности и обороны

Table 2. Nordic countries' participation in European security and defence initiatives)

Страна	JEF – Joint Expeditionary Force	European Intervention Initiative – EII2	Framework Nations Concept – FNC	PESCO	European Defence Fund – EDF
Дания (член НАТО)	+	+	+	—	+
Финляндия (партнёр НАТО, Enhanced Opportunities Partner – EOP)	+	+	+	+	+
Швеция (партнёр НАТО, Enhanced Opportunities Partner – EOP)	+	+	+	+	+

²⁸ Scholz und Schwedens Ministerpräsidentin Andersson in Berlin. Euronews. 28.03.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eJVHUVr3_9g (дата обращения: 29.03.2022)

²⁹ Kristersson om Natomedlemskap: Sverige inte neutralt längre. SVT. 23.03.2022 URL: <https://www.svt.se/nyheter/kristersson-om-natomedlemskap-sverige-inte-neutralt-langre> (дата обращения: 07.05.2022).

³⁰ Ibid.

Страна	JEF – Joint Expeditionary Force	European Intervention Initiative – EII2	Framework Nations Concept – FNC	PESCO	European Defence Fund – EDF
Норвегия (член НАТО)	+	+	+	+	+
	(с 2014 г.)	(с сентября 2019 г.)	(с 2014 г.)	(как третья сторона)	(как третья сторона)
Исландия (член НАТО)	—	—	—	—	—

Источник: составлено по The Nordics and the New European Security / Ed. by Fägersten B. – Swedish Institute of International Affairs, Utrikespolitiska Institutet (UI), Report, № 3, 2020. – 35 p. URL: <https://www.ui.se/english/publications/ui-publications/2020/the-nordics-and-the-new--european-security-architecture/> (accessed 10.09.2022)

Особого внимания, без сомнения, заслуживает экономическая мотивация участия Швеции в общеевропейском оборонном строительстве. В рамках Постоянного структурированного сотрудничества (*англ.* PESCO) и Европейского оборонного фонда (*англ.* EDF) для Швеции, где в отличие от большинства стран ЕС оборонный комплекс полностью приватизирован и является одним из наиболее открытых для иностранных инвестиций не только в Европе, но и в мире, важным было смягчение и либерализация условий для допуска третьих сторон в программы и проекты EDF и PESCO, чего, судя по выступлениям министра обороны Швеции в феврале 2021 г., удалось добиться³¹. 90% оборонного европейского промышленного оборонного потенциала сосредоточено в шести странах: Британии, Франции, Германии, Италии, Испании и Швеции³². Так как оборонный сектор пользуется исключением из общего правового регулирования Единого внутреннего рынка ЕС, законодательство в области иностранных оборонных инвестиций и степень национализации оборонной отрасли в разных национальных юрисдикциях существенно различается. Франция, к примеру, в качестве условного «антипода» Швеции продолжает придерживаться позиции, что стратегические отрасли экономики должны оставаться под государственным контролем, а соображения экономической эффективности должны иметь второстепенное значение³³.

Во второй половине 1990-х гг. Швеция стала одной из самых открытых стран в сфере инвестиций в оборонный сектор. Параллельные процессы приватизации и роста доли иностранных акционеров в ВПК Швеции набрали обо-

³¹ Regner A. L., Håkansson C. Sweden, the European Defence Fund and Permanent Structured Cooperation: Challenges Ahead for Third Party Participation. – Swedish Institute of International Affairs. UI Paper. № 4. 2021. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2021/ui-paper-no.-4-2021.pdf> (Дата обращения: 10.03.2022)

³² O'Donnell C. M. How Should Europe Respond to Sovereign Investors in its Defence Sector? – Center for European Reform, Policy Brief. 1 September 2010..URL: <https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2010/how-should-europe-respond-sovereign-investors-its-defence-sec> (Дата обращения: 10.03.2022)

³³ Ibid.

роты в 1996-2000 гг. *Hägglunds*, производитель бронетехники, был приобретён британской компанией *Alvis Plc.* в 1997 г. Компания *Bofors Weapons System*, специализирующаяся на артиллерии и боеприпасах, была куплена американской *United Defence* в 2000 г. Шведская судостроительная компания *Kockums*, разрабатывавшая в том числе подводные лодки, специально адаптированные под условия Балтийского моря, была сначала приобретена немецкой *HDW* в 1999 г. и позднее также немецкой *Thyssen Krupp Marine Systems (TKMS)* в 2004 г.; *British Aerosystems* (позднее *BAE Systems*) приобрела 35% акций *Saab* в 1998 г.³⁴ Позднее британская доля в *Saab* несколько раз снижалась – в 2005 г. она упала до 20,5%, а на фоне обвинений в коррупции и подкупе в 2010 г. *BAE Systems* продала половину своей доли *Investor AB* с намерением впоследствии распродать оставшиеся акции³⁵. Министр обороны Швеции Петер Хультквист отмечал в 2018 г., что «большая часть нашей [Швеции] оборонной промышленности принадлежит США и Великобритании. Такие компании, к примеру, как *BAE Systems Bofors* и *Hägglunds* являются залогом надёжности шведских оборонных поставок и проверенными партнёрами не только для вооружённых сил Швеции, но и многих других европейских стран»³⁶. В то же время, несмотря на этот комментарий министра обороны, не стоит забывать, что 84,1% шведской *Saab Group*, которая остаётся ядром оборонного потенциала Швеции, сегодня принадлежит *Investor AB* и *Wallenberg Foundations*, тесно аффилированными с династией Валленбергов³⁷.

Помимо этого, согласно законодательству Швеции, технологии, разработанные с привлечением государственного финансирования Швеции, становятся собственностью государства, и передача такой технологии может осуществляться только при соответствующем разрешении шведского правительства и, в частности, Управления по оборонным закупкам (*швед.* *Försvarets materielverk, FMV*)³⁸. Так, уже упомянутая *TKMS* с момента приобретения *Kockums* в 2004 г. безуспешно пыталась добиться получения доступа к шведским разработкам в сфере проектирования подводных лодок, что вылилось в конфликт с немецкими владельцами 8 апреля 2014 г., когда сотрудники *FMV* конфисковали на территории верфи в Мальмё оборудование и техническую документацию, при-

³⁴ Lundmark M. *Kockums: The Repatriation of the Swedish Underwater Crown Jewel (Part.1)*. *DEFENSE&Industries*, № 1. June 2014. pp.7-8.

³⁵ Kavanagh M. *BAE Sells Half Of Remaining Stake In Saab*. *Financial Times*. 05.03.2010. URL: <https://www.ft.com/content/2ab80a14-285a-11df-9f8f-00144feabdc0> (дата обращения: 10.05.2022)

³⁶ Hultqvist P. *A Strengthened European Defence: Swedish Perspectives*. *The European Files*. 19.06.2018. URL: <https://www.europeanfiles.eu/industry/strengthened-european-defence-swedish-perspectives> (дата обращения: 30.03.2022)

³⁷ Fawaz M., Belin J., Masson H. *Shareholder Nationality Among the Major European and American Defense Contractors: an Exploratory Data Analysis*. *Finance Bulletin*. Vol. 1. № 2, 2018. URL: <https://financebulletin.org/article/view/2406> (дата обращения: 31.03.2022)

³⁸ Lundmark M. *Kockums: the Repatriation of the Swedish Underwater Crown Jewel (Part.1)* // *DEFENSE&Industries*, № 1, June 2014, pp.7-8.

надлежащие шведскому государству, а чуть позже 22 июля 2014 г. *Saab* полностью выкупил *Kockums* у *TKMS*³⁹. Возвращение одного из ключевых оборонных предприятий совпало с оживлением дискуссии о возвращении к концепции «тотальной обороны» и признанием стратегической важности развития технологий модернизации многоцелевых истребителей (*Gripen*) и подводных лодок для национальной безопасности Швеции.

Вместе с тем, Ассоциация шведских компаний в области обороны и безопасности подчёркивает, что при отборе потенциальных партнёров по сотрудничеству главным критерием выступают их технологические компетенции, а не членство в ЕС, что указывает на то, что Швеция или, по крайней мере, шведские оборонные компании в силу высокой степени приватизации подходят к PESCO и EDF с позиций экономического прагматизма и конкуренции, а не государственного стратегического целеполагания⁴⁰. Одновременно это указывает и на важность неевропейских оборонных связей – так Швеция предпочла принять участие в британской программе разработки истребителей 6-го поколения в рамках консорциума *Team Tempest* во главе с *BAE Systems* вместо аналогичного франко-германского проекта *Future Combat Air System (FCAS)*, который, по официальным заявлениям, должен стать «гарантией будущей стратегической автономии Европы»⁴¹. Среди других важных партнёров в оборонной сфере для Швеции, находящихся вне ЕС, можно назвать США (в частности на Швецию не распространяются положения закона «Покупай американское») и Норвегию, которая также владеет значительной долей акций в шведских оборонных предприятиях.

Исходя из этого, Швеция относится к идее стратегической автономии ЕС (как имеющей в основе прежде всего конкурентное экономическое и военнотехническое содержание) скорее негативно. Судя по заявлениям министра обороны П. Хультквиста, для Швеции невыгодны любые ограничения для «третьих стран», связанные с экспортом, реэкспортом и импортом оборонной продукции, по причине уже упомянутых тесных связей шведского оборонного комплекса с США и Соединённым Королевством⁴².

³⁹ Grey E. Saab Acquires Swedish Shipyard ThyssenKrupp Marine Systems. *Ship Technology*. 22.07.2014. URL: <https://www.ship-technology.com/news/newssaab-acquires-swedish-shipyard-thyssenkrupp-marine-systems-4324740/> (дата обращения: 01.04.2022)

⁴⁰ Regner A. L., Håkansson C. Sweden, the European Defence Fund and Permanent Structured Cooperation: Challenges Ahead for Third Party Participation. – Swedish Institute of International Affairs, UI Paper № 4, 2021. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2021/ui-paper-no.-4-2021.pdf> (Дата обращения: 10.03.2022)

⁴¹ Schmidt-Felzmann A. PESCO. The Swedish Perspective. – Armament Industry European Research Group (ARES), Report, Policy Paper, March 2019. URL: <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2019/03/Ares-38.pdf> (Дата обращения: 10.03.2022)

⁴² Ibid.

Роль гражданской сферы в «тотальной обороне»

О важности элементов гражданского или невоенного сопротивления в системе «тотальной обороны» говорит то, что Шведский институт оборонных исследований (*швед.* Försvarets forskningsanstalt, FOA), предшественник Института исследований тотальной обороны (FOI), проводил ряд исследований в этой области еще с начала 1970-х гг. Впервые проблема планирования потенциальной системы гражданского сопротивления была поднята в риксдаге в связи с событиями Пражской весны 1968 г., и основные дискуссии развернулись вокруг того, должна ли эта система стать частью «тотальной обороны». В начале 1980-х гг. действовала Комиссия по исследованию сопротивления (*швед.* Motståndsutredningen), которую в 1987 г. сменила Группа по исследованию невоенного сопротивления (*швед.* Delegationen för icke-militärt motstånd, Motståndsdelegationen), рассматривавшая возможности системного применения тактики гражданского сопротивления среди населения Швеции в случае вооружённой агрессии (проект 55 FOA). Однако и исследовательская группа, и указанный проект были закрыты в 1993-1994 гг. до полноценного завершения исследований, которые на фоне окончания холодной войны теряли свою актуальность и в целом имели скорее символическое значение (Bertilson 2021). Кроме того, 1 января 2022 г. возобновило работу Агентство по психологической обороне (*швед.* Myndighet för Psykologiskt Försvar, MFP), которое выступает «модернизированной» версией Управления по психологической обороне (*швед.* Styrelsen för Psykologiskt Försvar, SPF), действовавшего в 1954-2008 гг. Новое агентство, однако, относится к структуре Министерства юстиции Швеции, а не Министерства обороны. Работа над воссозданием этой структуры началась в 2016 г. практически одновременно с оживлением дискуссии относительно «тотальной обороны».

Вместе с тем, как и в случае с масштабным снижением оборонных расходов, гражданское измерение «тотальной обороны» претерпело существенные изменения. Так, в начале 2000-х гг. национальная система кризисного урегулирования была децентрализована и в случае как с «коронакризисом», так и в ситуации масштабных лесных пожаров в 2014 и 2018 гг. не раз подвергалась критике в связи с размытыми зонами ответственности как между местными и центральными органами, так и между различными агентствами и министерствами. Во время пожаров летом 2018 г. Швеция даже была вынуждена обратиться к помощи соседних государств и задействовать Центр координации реагирования на чрезвычайные ситуации (*англ.* Emergency Response Coordination Centre, ERCC) в рамках ЕС.

Современная шведская система реагирования на чрезвычайные ситуации строится на принципах ответственности, subsidiarity и аналогии. Принцип subsidiarity, в частности, предполагает, что реагирование на кризисную

ситуацию должно начинаться на как можно более низком административном уровне, что влечёт организационные сложности в случае упомянутых чрезвычайных ситуаций национального масштаба⁴³. Два других принципа соответственно означают, что как органы, осуществляющие работу, так и принимаемые в обычных обстоятельствах меры должны сохранять значение и в условиях кризиса или войны. Таким образом, введение чрезвычайного положения или другие формы объявления исключительной ситуации «не являются частью политической культуры Швеции», и даже в условиях кризисных ситуаций важным остаётся следование установленным нормам, верховенству права, а не их временная отмена и наделение отдельных органов чрезвычайными полномочиями⁴⁴. Такие меры предусмотрены только для вооружённого конфликта и военного времени.

В этой связи важно подчеркнуть, что «тотальная оборона» не имеет целью держать общество в условиях чрезвычайного положения, а должна максимально адаптировать жизнь при возникновении такой ситуации к привычным условиям мирной жизни. Но в действительности шведским властям этого пока достичь не удалось. По крайней мере, так это воспринимается руководителями гражданской обороны на уровне ленов. Многие из них считают, что горизонтальная система кризисного реагирования на чрезвычайные ситуации, построенная на координации и взаимодействии независимых агентств, нуждается в более чётком разделении полномочий, ясной командной структуре и иерархии управления (Wimelius, Engberg 2015). Так, администрация лена не может напрямую управлять муниципальными, частными или добровольческими организациями в рамках ответа на чрезвычайную ситуацию, а может лишь выступать координатором совместных усилий всех этих организаций (Wimelius, Engberg 2015). В таких условиях организаторам гражданской обороны приходится полагаться на разветвлённую сеть рабочих групп, координационных советов, неформальных собраний и другие инструменты для выработки слаженного механизма ответа на чрезвычайные ситуации. Иными словами, для того, чтобы такая система, построенная на консенсусе и переговорах между равными участниками, успешно функционировала в условиях кризиса, требуется отлаженный в обычных условиях механизм взаимодействия, а руководителям гражданской обороны на уровне провинций «нужно обладать авторитетом», не полагаясь при этом на авторитарные, иерархичные структуры (Wimelius, Engberg 2015).

Несмотря на то что в самой Швеции дальнейшая разработка системы гражданского сопротивления и обороны после окончания холодной войны отошла на второй план и её эффективность при реагировании на современные угрозы подверглась критике, на уровне ЕС Швеция решила воспользоваться своими

⁴³ Hägglund M. Rebuilding Sweden's Crisis Preparedness: Lack of Clarity Impedes Implementation. FIIA, Briefing Paper № 283, May 2020. P.8.

⁴⁴ Ibid.

наработками в этой области и принять участие в формировании гражданских элементов на тот момент формировавшейся ЕПБО ЕС. Швеция наряду с другими странами Северной Европы и сейчас продолжает активно продвигать свои компетенции в гражданской сфере на европейском уровне. Именно североевропейские члены ЕС Дания, Финляндия, которая была председателем в Совете ЕС во второй половине 1999 г., и Швеция в ходе саммитов Европейского Совета в Кёльне 3-4 июня 1999 г. и в Хельсинки 10-11 декабря 1999 г. на фоне разворачивавшегося кризиса в Косово активно выступали за создание невоенного или гражданского измерения конфликтного урегулирования на тот момент формировавшейся ЕПБО ЕС⁴⁵, что, однако, вызвало непонимание среди более крупных партнёров, особенно Франции, которая назвала такие инициативы «наивными» и «основанными на ценностном и нормативном подходе», а не на суровой реальности (Jakobsen 2009).

Важным индикатором доверия и признания опыта северных стран в осуществлении гражданских миссий и операций в рамках ОПБО ЕС является то, что с 30 мая 2018 г. основным логистическим центром и координатором этих операций и миссий выступают именно Шведское гражданское агентство по чрезвычайным ситуациям (*швед.* Myndigheten för samhällsskydd och beredskap, MSB), созданное в 2009 г., и управляемый им стратегический логистический пункт в центральной части Швеции⁴⁶. Изначально Швеция и Финляндия сходились в том, что оборонное измерение ЕС должно в первую очередь решать задачи конфликтного урегулирования – так, именно на основе совместного предложения Швеции и Финляндии Петербургские задачи ЗЕС были включены в Амстердамский договор.

Швеция воспринимает ЕС как инструмент кризисного регулирования в соседних с ЕС регионах, и стратегическая автономия в таком контексте понимается как способность осуществлять это урегулирование самостоятельно и вне зависимости от возможностей или желания атлантических союзников⁴⁷. Первоочередное внимание Швеции к гражданскому измерению ОПБО ЕС сближает её с позицией Германии⁴⁸.

Показательно и то, что в шведском видении будущего облика ОПБО ЕС большая часть посвящена именно гражданскому измерению, а потенциальная роль шведской оборонной отрасли в наращивании военной мощи ЕС

⁴⁵ Juncos A. E. Civilian CSDP Two Decades On // In: The CSDP in 2020. The EU's Legacy and Ambition in Security and Defence. Ed. by Fiott D. – European Union Institute for Security Studies, 2020, pp. 74-85.

⁴⁶ Equipping Our Civilian CSDP Missions: the Strategic Warehouse in Central Sweden Ensures Streamlined Logistics. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/90819/equipping-our-civilian-csdp-missions-strategic-warehouse-central-sweden-ensures-streamlined_da (Дата обращения: 10.03.2022)

⁴⁷ Wieslander A. Sweden and the CSDP: Keen on Security and Reluctant on Defence – European Leadership Network, ELN, January 2018. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/sweden-and-the-csdp-keen-on-security-and-reluctant-on-defence/> (Дата обращения: 10.03.2022)

⁴⁸ Ibid.

не упоминается⁴⁹. Для Швеции в рамках подготовки «Стратегического компаса» ЕС, опубликованного 21 марта 2022 г., приоритетом выступало нахождение баланса между военным и гражданским измерением ОПБО ЕС и включение гражданского измерения в итоговый текст первой в практике ЕС оборонной стратегии особенно в контексте того, что председательство Швеции в ЕС в 2023 г. совпадает с завершением реализации проекта по укреплению возможностей стран ЕС в области гражданского измерения конфликтного урегулирования (*англ.* Civilian CSDP Compact), одним из инициаторов которого выступала именно Швеция в 2018 г.⁵⁰ Беспокойство Швеции вызывает уже упоминавшийся внебюджетный Миротворческий фонд ЕС (*англ.* European Peace Facility, EPF), который, среди прочего, впервые в истории ЕС позволит поставлять, помимо экипировки, амуниции, и невоенную технику, а также летальное вооружение странам-партнёрам ЕС, где проходят военно-тренировочные миссии ЕС, миссии по подготовке сил безопасности и полиции и другие мероприятия по усилению компетенций местных сил безопасности и порядка⁵¹. Швеция изначально опасалась, что такой переход миротворчества ЕС к более «жесткому» подходу в противовес мягкой безопасности может привести к непредвиденным последствиям в конфликтных и нестабильных регионах⁵². Швеция тем не менее поддержала первое в практике ЕС использование EPF в марте 2022 г. для закупки вооружений и их отправки на Украину и, более того, 27 февраля 2022 г. впервые с 1939 г. приняла решение об отправке летального вооружения стране, находящийся в состоянии вооружённого конфликта⁵³.

Единство общества и вооружённых сил

Помимо «внешней» причины возвращения к концепции «тотальной обороны» исследователи полагают, что не последнюю роль при принятии этого решения играли и «внутренние» факторы, в частности трудности в процессе комплектования вооружённых сил из-за низкой мотивации молодого населения Швеции проходить службу в профессиональной армии. К примеру, в 2016 г., по данным газеты «Dagens Nyheter», вооружённым силам «не хватало» 7500 человек⁵⁴. В начале 2016 г. решение о «введении какой-либо формы воин-

⁴⁹ Wallström M., Hultqvist P. «Vi vill agera för att stärka EU:s försvarssamarbete». Dagens Nyheter. 19.06.2017. URL: <https://www.dn.se/debatt/vi-vill-agera-for-att-starka-eus-forsvarssamarbete/?forceScript=1&variantType=large> (Дата обращения: 10.03.2022)

⁵⁰ Håkansson C. Finding its Way in EU Security and Defence Cooperation: A View from Sweden // European View, 2021, pp. 1-8.

⁵¹ Frisell E.H., Sjökvist E. To Train and Equip Partner Nations – Implications of the European Peace Facility. – FOI Memo: 7468, February 2021. – 10 p.

⁵² Ibid.

⁵³ Sverige sender 5000 panserværnsgranater til Ukraine. Jyllands-Posten. 27.02.2022. URL: <https://jyllands-posten.dk/international/ECE1377045/sverige-sender-5000-panserværnsgranater-til-ukraine/> (дата обращения: 20.04.2022).

⁵⁴ Starkt stöd för könsneutral värnplikt. Dagens Nyheter. 04.01.2016. URL: <https://www.dn.se/arkiv/nyheter/starkt-stod-for-konsneutral-varnplikt/> (дата обращения: 26.04.2022).

ской повинности» поддержало 72%⁵⁵. Причем в 2009 г. за три месяца до принятия решения шведским Риксдагом против отмены призыва выступало 63% опрошенных⁵⁶. Исследование, проведенное одной из ведущих аналитических компаний Швеции Novus, показывает, что шесть из десяти шведов готовы защищать Швецию в случае вторжения иностранной державы. 66% респондентов в возрасте 50–64 лет ответили утвердительно на вопрос о готовности встать на защиту Швеции, в то время как соответствующий показатель в возрастной группе 18–29 лет составляет 44%⁵⁷. Аналитик компании Торбьерн Шёстрём связывает этот разрыв с периодом отмены обязательной воинской повинности, который «отдаляет» от военной сферы людей определенного возраста⁵⁸. Исследование также отражало партийную принадлежность тех, кто обладает наибольшим уровнем готовности к обороне страны. В основном это люди, поддерживающие партии Шведских демократов, Умеренную коалиционную партию и Христианских демократов⁵⁹.

Прием на военную службу с 2017 г. носит гендерно нейтральный характер, и количество девушек-призывников увеличивается: ожидается, что с 22% в 2021 г. их доля возрастет до 30% в 2023 г.⁶⁰ Такое решение было сразу воспринято обществом позитивно: в январе 2016 г., когда обсуждение этого вопроса находилось на начальной стадии, доля людей, поддерживающих это решение, составляла 87%⁶¹.

Восстановление призыва в Швеции в 2017 г., таким образом, неправильно считать простым возвращением к более ранней модели всеобщего призыва. При осуществлении этой меры шведское правительство подчёркивало, что призыв будет одинаково распространяться как на мужчин, так и на женщин, и в ходе него к будущим военнослужащим будут предъявляться высокие требования, что позволит создать конкурсный характер отбора для службы в вооружённых силах. Для Швеции тем самым по-прежнему важно показать гражданам, что военный призыв сохраняет принципиально добровольный характер (для службы в вооружённых силах Швеции ежегодно отбирается около 5% из соответствующих возрастных групп).

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Om Sverige invaderas av en utländsk makt, skulle du vara beredd att aktivt försvara dig och Sverige? 02.03.2022. URL: <https://novus.se/egnaundersokningar-arkiv/invasionen-av-ukraina-2/> (дата обращения: 07.05.2022).

⁵⁸ Sex av tio redo att försvara Sverige vid en invasion. 02.03.2022. <https://omni.se/sex-av-tio-redo-att-forsvara-sverige-vid-en-invasion/a/bGBq5q> (дата обращения: 07.05.2022).

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Fler unga ansöker nu själva om att få göra lumpen // Dagens Nyheter. 2022.03.19. URL: <https://www.dn.se/sverige/fler-unga-ansoker-nu-sjalva-om-att-fa-gora-lumpen/> (дата обращения: 26.04.2022).

⁶¹ Ny mätning: Plikt för båda könen får stort stöd // Dagens Nyheter. 2016.09.27. URL: <https://www.dn.se/nyheter/sverige/ny-matning-plikt-for-bada-konen-far-stort-stod/> (дата обращения: 26.04.2022).

Таблица 3. Характеристика призыва в странах Северной Европы
Table 3. Trends in the usage of conscription in Nordic countries

Финляндия	Дания	Швеция	Норвегия
Обязателен для мужчин 18-30 лет и носит всеобщий характер. Женщины могут служить, но не обязаны.	Обязателен для мужчин 18-30 лет, однако носит выборочный, конкурсный характер. Большинство военнослужащих выступают добровольцами, 30-50% подлежащих призыву проходят военную службу. Женщины могут служить, но не обязаны.	Отменён в 2010 г. и восстановлен в 2017 г. Обязателен для мужчин и женщин и носит выборочный, конкурсный характер.	С 2015 г. обязателен для мужчин и женщин и носит выборочный, конкурсный характер.

Источник: составлено по Strand S. 2021. The «Scandinavian Model» of Military Conscription: A Formula for Democratic Defence Forces in 21st Century Europe? Austrian Institute for International Affairs. Policy Analysis. № 5. p. 1-13. URL: <https://www.oii.ac.at/en/publikation/the-scandinavian-model-of-military-conscription-a-formula-for-democratic-defence-forces-in-21st-century-europe/> (accessed: 10.09.2022)

Возвращение призыва встретило широкую поддержку в риксдаге, и ни одна из партий не выступила против этой инициативы. Описанные меры в совокупности приводят к росту привлекательности военной службы среди шведов. В 2019 г. 79% населения Швеции частично или полностью одобряли введение призыва в 2017 г., в то же время только 9% выступали против, доля молодёжи (19-29 лет), которая положительно относится к службе в армии, возросла с 27% в 2013 г. до 65% в 2019 г.

Высока и степень доверия вооружённым силам в обществе. В марте 2022 г. «Барометр доверия» (*швед.* Förtroendebarmeter), исследование, проводимое ежегодно с 1997 г. некоммерческой организацией «Medieakademin» и измеряющее степень доверия населения Швеции по отношению к различным общественным институтам, зафиксировало рекордную цифру для вооружённых сил – 65%, что является самым высоким уровнем с момента начала измерений⁶².

Директор по связям с общественностью вооружённых сил Швеции Матс Стрём связывает это с тем, что деятельность различных представителей организаций стала шире освещаться в средствах массовой информации в связи с событиями на Украине в феврале-марте 2022 г. и «неопределённой ситуацией в мире». В 2016 г. уровень доверия к вооружённым силам составлял 36 %, так что прирост является уникальным по сравнению с другими предприятиями и организациями. Шведское налоговое агентство (*швед.* Skatteverket) и Служба

⁶² Försvarsmaktens förtroende når sig toppen. 22.03.2022. URL: <https://www.forsvarsmakten.se/sv/aktuellt/2022/03/forsvarsmaktens-fortroende-narmar-sig-toppen/> (дата обращения: 26.04.2022).

государственной безопасности Швеции (*швед.* Säpo) на один процент обгоняют вооруженные силы – 66%, но не могут отличаться настолько же высоким приростом в такие краткие сроки, хотя уровень доверия к ним традиционно остается высоким.

Однако число добровольцев в количестве призывников оказалось меньше ожидаемого. В 2021 г. их доля составила всего 19%, в дальнейшем по мере увеличения числа призывников это может создать трудности для соблюдения принципа добровольности и учёта индивидуальной мотивации призывников (Strand 2021). По сравнению с периодом холодной войны, когда в Швеции ежегодно призывалось около 50 тыс. чел. и государство имело возможность мобилизовать до 800 тыс. военнослужащих, сейчас ежегодно призывается около 5-8 тыс. чел., а число военнослужащих, включая резервистов, национальную гвардию Швеции (*швед.* Hemvärnet) и гражданских служащих в системе вооружённых сил составляет около 52 тыс. чел.⁶³

Вместе с тем изменилось восприятие военной службы. Если с момента введения всеобщей воинской повинности в 1901 г. и фактически до окончания холодной войны на рубеже 1980-90-хх гг. служба в вооружённых силах воспринималась как «мастерская нации», где готовили не только военнослужащих, но и образцовых граждан, и как способ демократизации вооружённых сил, в которых ранее, как представлялось, ведущее место принадлежало узкой социальной элите (достаточно вспомнить популярный в Швеции лозунг 1890-1900-х гг. «один мужчина – один голос – одна винтовка» – «en man – en röst – ett gevär»⁶⁴), то сейчас вооружённые силы Швеции выступают лишь одним из многих работодателей на рынке труда, которым приходится конкурировать за получение молодых кадров, предлагая им в том числе перспективы профессионального развития (Strand 2022).

Выводы

Возросшая в последнее десятилетие конфликтность в мировой политике не может не оказывать влияние как на позиционирование Швеции в международных делах (отход от условного нейтралитета и политики «неприсоединения»), так и на форму обеспечения национальной безопасности (возвращение и модернизация стратегии «тотальной обороны»). Современная «тотальная оборона» Швеции включает в себя гораздо больше функций, чем просто физическая оборона национальных границ. Это последовательная стратегия защиты

⁶³ Hedlund S. Sweden Rebuilds its Military Force, Maybe. GIS. 30.10.2019. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/sweden-military/> (дата обращения: 26.04.2022)

⁶⁴ Förutsättningar för krisberedskap och totalförsvaret i Sverige. – Försvarshögskolan, Centrum för totalförsvaret och samhällets säkerhet, 2021. S. 292.

национальных интересов, принципов и ценностей демократического развития и парламентаризма, важнейшая составляющая шведской модели развития. В шведском представлении, для устойчивого развития общества необходимо сохранение стабильного функционирования военных и гражданских органов власти и организаций как в мирное время, так и в условиях введения чрезвычайного положения или других форм объявления чрезвычайной ситуации. Поэтому важной особенностью современной шведской стратегической культуры, в том числе и в её преломлении на концепцию «тотальной обороны», является приоритет следования установленным нормам, верховенству права и в целом сохранения основных принципов функционирования «шведской модели», которая представляет собой не столько совокупность высоких социально-экономических показателей, сколько комплекс политических и социально-экономических механизмов, общественных структур и соответствующего мировосприятия.

В кризисной ситуации, однако, такая политика рождает противоречие между требованиями консолидации и централизованного принятия решений и либеральным, открытым характером шведского общества и экономики, а также принципами ответственности, субсидиарности и аналогии, которые лежат в основе современной системы реагирования на чрезвычайные ситуации. «Тотальная оборона» становится стратегией выстраивания такой системы реагирования на кризисы, которая бы оказалась операциональной в условиях как мира, так и потенциального вооружённого конфликта без введения чрезвычайных механизмов управления и сосредоточения исключительных полномочий в руках отдельных органов власти или группы лиц. Кроме того, возросшая роль частного сектора (в особенности в сфере поставок оборонной продукции, медицинского обслуживания, продовольственного обеспечения) требует установления долгосрочного устойчивого сотрудничества между государственными и частными субъектами на центральном, региональном и местном уровнях посредством государственно-частного партнёрства.

«Внешнее» измерение реализации концепции «тотальной обороны» связано с традиционным «моральным» лидерством Швеции в продвижении гражданских, невоенных механизмов кризисного регулирования, которое, однако, было дискредитировано поставками летального вооружения Украине в марте-апреле 2022 г. При этом высокая степень интернационализации шведского ОПК и традиционные связи с крупными американскими и британскими производителями вооружений делают шведские оборонные компании скорее сторонниками евроатлантического вектора внешней политики, что является важным фактором дискуссии относительно вступления Швеции в НАТО.

Об авторах:

Никита Евгеньевич Белухин – исполнитель проекта РНФ № 20-78-10159, МГИМО МИД России, младший научный сотрудник Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. 117997, Москва, улица Профсоюзная, 23. E-mail: belukhin@imemo.ru

Владислав Владиславович Воротников – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки; директор Центра европейских исследований Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; ведущий научный сотрудник отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Светлана Юрьевна Дианина – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры языков стран Северной Европы и Балтии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: s.dianina@my.mgimo.ru
Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)»).

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект No 20-78-10159)

UDC: 327, 316.7
Received: January 15, 2022
Accepted: December 20, 2022

The Total Defense Concept as the Embodiment of Sweden's Strategic Culture

N.E. Belukhin¹, V.V. Vorotnikov², S.Y. Dianina³
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-135-165](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-135-165)

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

^{2,3} Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The article deals with the «total defense» concept considering it to be part of Sweden's strategic culture and provides an overview of how this concept defines Sweden's approach towards the defense cooperation within the EU. «Total defence» remains staple in the Swedish defence planning and the perception of risks to national security, but has not yet received sufficient attention from Russian researchers. The announced restoration of the effective total defense system potentially comparable to that of the period of bipolar confrontation is associated with significant difficulties due to the gradual reduction in defense

spending after the end of the Cold War and the decentralization of the national crisis preparedness structures which was initiated in the early 2000s. The total defense itself also reveals tensions between the demands for consolidation and centralized decision-making and the liberal, open nature of the Swedish society and national economy, as well as the principles of responsibility, subsidiarity and similarity that underline the present Swedish emergency response system. The total defense, is, therefore, regarded as an attempt at creating an effective crisis preparedness system that would function successfully in a democratic society, both under the conditions of peace and potential armed conflict, without the need to declare an emergency and endow individual bodies or a selected group of individuals with exclusive powers. The Swedish strategic culture, therefore, stipulates that it is important not only to resolve a crisis effectively, but also to do so in a way which would not endanger the regular functioning of political institutions and the rule of law. Within the EU Sweden has earned credit for developing civilian or non-military elements of crisis management, while «more hardware» defense cooperation within PESCO and the European Defense Fund is defined by the pragmatic economic interests of Swedish defense companies rather than by strategic considerations. The Swedish Experience with «total defence» will continue to face the same dilemma – the need to rebuild a robust and self-reliant national defence while preserving the liberal principles in politics as well as in economy.

Keywords: Sweden, total defense, strategic culture, Swedish Social Democratic Workers' Party, EU, NATO, pandemic, emergency, defense industry

About the authors:

Nikita E. Belukhin – Participant of the RSF Project № 20-78-10159, MGIMO-University, Junior Research Fellow of Department for European Political Studies of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, 117997, Russia. E-mail: belukhin@imemo.ru

Vladislav V. Vorotnikov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department for European and American Studies, MGIMO-University; Director of the Centre for European Studies of Institute for International Studies of Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia; Leading Research Fellow of Institute of Europe of Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya street, Moscow, 125009, Russia. E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Svetlana Y. Dianina – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of North European and Baltic languages of Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia. E-mail: s.dianina@my.mgimo.ru

Conflict of interests:

The authors declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 20-78-10159)

References:

Åselius G. 2005. Swedish Strategic Culture after 1945. Cooperation and Conflict. *Journal of the Nordic International Studies Association*. Vol. 40, № 1. P. 25-44.

Bailes A.J.K. 2016. Small States, Survival and Strategy. *Small States and International Security: Europe and Beyond*. Archer C., Bailes A.J.K., Wivel A (eds.). New York: Routledge. 290 p.

Bertilson F. 2021. The Swedish Defence Research Establishment (FOA) and the Influence of Historical Knowledge on Swedish Civil Resistance Policy. *Scandinavian Journal of History*. Vol. 46. № 4. P. 550-569. DOI: 10.1080/03468755.2021.1880474

Cole P. 1994. *Sweden Without the Bomb: The Conduct of a Nuclear-Capable Nation Without Nuclear Weapons*. Santa Monica, CA: Rand. National Security Research Division. 273 p.

Dahl A.S. 1997. To Be Or Not to Be Neutral: Swedish Security in the Post-Cold War Era. In Inbar E., Sheffer G. (eds.) *The National Security of Small States in a Changing World* (pp. 183-204). London: Routledge. 232 p.

Dahl A.S. 2008. *US Policy in the Nordic-Baltic Region. During the Cold War and After*. Stockholm: Santerus Academic Press. 116 p.

Fredén L. Återkomster. Svensk säkerhetspolitik och de baltiska ländernas första år i självständighet 1991-1994. Stockholm, 2006. 527 s.

Häkenstad M., Larsen K. K. 2012. Long-Term Defence Planning. A Comparative Study of Seven Countries. Norge, Oslo: Institutt for Forsvarsstudier, *Oslo Files on Defence and Security*. 103 p.

Jakobsen P.V. 2009. Small States, Big Influence: The Overlooked Nordic Influence on the Civilian ESDP. *Journal of Common Market Studies*. Wiley Blackwell, vol. 47(1), p. 81-102. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2008.01833.x

Lallerstedt K. 2021. Rebuilding Total Defense in a Globalized Deregulated Economy. *PRISM*. Vol. 9. № 3. November. P. 91-104.

Larsson O.L. 2021. The Connections Between Crisis And War Preparedness in Sweden. *Security Dialogue*. Vol. 52. № 4. November. P. 306-324. DOI: 10.1177/0967010620936849

Larsson O.L. 2022. The Swedish Covid-19 Strategy and Voluntary Compliance: Failed Securitisation or Constitutional Security Management? *European Journal of International Security*. Vol. 7. pp. 226-247. DOI: 10.1017/eis.2021.26

Meyer C.O. 2005. Convergence Towards a European Strategic Culture? A Constructivist Framework for Explaining Changing Norms. *European Journal of International Relations*. Vol. 11. №4. pp. 523-549. DOI: 10.1177/1354066105057899

Milton P.D. 2011. An Historical and Political Overview of the Reserve Forces of the Two Southern Rim Baltic Sea Countries at the Beginning of the Twenty-First Century. *Baltic Security and Defence Review*. Vol. 13, № 1. P. 17-50.

Sjölin V. 2014. I skuggan av kriget: svenskt civilförsvar 1937-1996. [In the shadow of the war: Swedish civil defense 1937-1996]. *Stockholm: Instant Book*. 258 s. (In Swedish)

Strand S. 2021. The «Scandinavian Model» of Military Conscription: A Formula for Democratic Defence Forces in 21st Century Europe? Austrian Institute for International Affairs. *Policy Analysis*. № 5. p. 1-13.

Strand S. 2022. The Birth of the Enterprising Soldier: Governing Military Recruitment and Retention in Post-Cold War Sweden. *Scandinavian Journal of History*. p. 225-247. DOI: 10.1080/03468755.2021.1997797

Wieslander A. 2021. «The Hultqvist Doctrine» – Swedish Security and Defence Policy After the Russian Annexation of Crimea. *Defence Studies*. Vol. 22, № 1. pp. 35-59. DOI: 10.1080/14702436.2021.1955619

Wimelius M. E., Engberg J. 2015. Crisis Management Through Network Coordination: Experiences of Swedish Civil Defence Directors. *Journal of Contingencies and Crisis Management*. Vol. 23, № 3. P. 129-137.

Gromyko A.A., Plevako N.S. 2016. O vozmozhnom vstupenii Shvetsii i Finlyandii v NATO. [On the Sweden's and Finland's optional membership in NATO]. *Contemporary Europe*. №2 (68). P.13-16. (In Russian)

Kilin Y.M. 2017. Neutral'nye gosudarstva na rasput'e: problema vstupleniya v NATO Finlyandii i Shvetsii. [Neutral states at the crossroad: the issue of Sweden and Finland's membership in NATO]. *Contemporary Europe*. №2 (74). P. 65-76. (In Russian)

Komarov A. A. 2011. Rossiya i nekotorye problemy skandinavskogo nejtraliteta. [Russia and some problems of the Scandinavian neutrality]. *ENOZH «Istoriya»*. Т. 2. №5 (5). (In Russian)

Korunova E.V. 2021. Ot eventual'nogo nejtraliteta k vneblokovoii politike na nachal'nom etape "kholodnoi voyny": opyt Shvetsii. [From eventual neutrality to non-bloc politics at the initial stage of the Cold War: the experience of Sweden]. *ENOZH «Istoriya»*. Т.12. №7 (105). (In Russian)

Roginskij V.V. 2018. Severoevropejskie konflikty v Novoe i Novejshee vremya: puti preodoleniya. [The Nordic conflicts in the modern times: the ways of overcoming] *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki*. №1 (794). S. 183-195.

Voronkov L.S. 2016. «Severnoe sotrudnichestvo» i osobennosti severoevropejskoi integratsii: uchebnoe posobie. ["Northern cooperation" and features of northern european integration]. M. 342 p. (In Russian)

Voronov K.V. 2018. *Severnyi neutralizm: istoricheskii final ili transformatsiya*. [Nordic neutralism in the XXI century: Historical Finale or a New Transformation?]. *World Economy and International Relations*, no.1. P. 80-89. (In Russian)

Voronov K.V. 2021. *Formula bezopasnosti Severnoi Evropy (bol'she NATO, men'she ES, davlenie na Rossiyu)*. [Security modus operandi of the Northern Europe (More NATO, less EU, Pressure on Russia)]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 1, pp. 82-89. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Воронков Л.С. 2016. «Северное сотрудничество» и особенности североευропейской интеграции: учебное пособие. М., 342 с.

Воронов К.В. 2018. Северный нейтрализм: исторический финал или трансформация. *Мировая экономика и международные отношения*. №1 (80). С.80-89.

Воронов К.В. 2021. Формула безопасности Северной Европы (больше НАТО, меньше ЕС, давление на Россию). *Мировая экономика и международные отношения*. Том 65. №1. С. 82-89.

Громыко А.А., Плевако Н.С. 2016. О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО. *Современная Европа*. №2 (68). С.13-16.

Килин Ю.М. 2017. Нейтральные государства на распутии: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции. *Современная Европа*. №2 (74). С.65-76.

Комаров А.А. 2011. Россия и некоторые проблемы скандинавского нейтралитета // *ЭНОЖ «История»*. Т. 2. №5 (5).

Корунова Е.В. 2021. От эвентуального нейтралитета к внеблоковой политике на начальном этапе "холодной войны": опыт Швеции. *ЭНОЖ «История»*. Т.12. №7 (105).

Рогинский В.В. 2018. Североевропейские конфликты в Новое и Новейшее время: пути преодоления. *Вестник МГЛУ. Общественные науки*. №1 (794). С. 183-195.